

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4 УН
1 Р-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИКАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣднникова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Коми.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Въ Москвѣ безъ доставки . . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкою 4 . . .
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 . . .
Съ пересылкою въ города . . . 5 . . .

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Колыбель и могила. Стих. Е. Бек-вой — Первая пѣсни. Н. П. Голиневича. — Голова. Разсказъ. А. Марченко. — Жертва игры. Разсказъ. — Городская хроника «Развлеченія». Не Я. — Мелочи — Отвѣтъ Редакціи г-ну Н. П.—Рисунки И. О. Шестакова, А. О. Виноградова и С. А. Любовникова.

КОЛЫБЕЛЬ И МОГИЛА.

(Съ французскаго.)

Уютна колыбель подь легкой пеленою,
Рукою матери колышется она:
Къ ней грѣзы сладкія слетаются толпою,—
Утѣхи чистыя младенческаго сна.

Привѣтна мнѣ и ты, высокая могила,
Съ травой зеленою, подь ивою густой:
И роза бѣлая свой цвѣтъ къ тебѣ склонила,
И теплыя мольбы витають надь тобой.

Тутъ можно отдохнуть усталою душою:
И миръ, и тишина здѣсь царствуютъ окрестъ;
Все навѣваетъ сонъ, все манитъ насъ къ покою,
Здѣсь мать склоняется и обнимаетъ крестъ.

Равно онъ сулятъ денницу возрожденья
Дитяте спящему и мертвому въ гробу:
Младенцу—цѣлый міръ готовитъ пробужденье,
Могила—вѣчность дастъ почившему рабу.

Е. Бек-ва.

ПЕРВЫЯ ПѢСНИ.

XIII.

О милый другъ мой, не клянись
Любовью вѣчною до гроба:
Мы лишь на мигъ съ тобой сошлись,
Вѣрь,—разойдемся скоро оба.

Я жизнь постигъ, не суждено
Любить другъ друга намъ до вѣка;
Ахъ, въ міръ вѣчно лишь одно—
Непостоянство человека!

XIV.

Когда передъ тяжелой, нежданной разлукой
Склонюсь, обезсиленъ и горемъ, и мукой,
Надъ прахомъ печальнымъ и блѣднымъ твоимъ,—
Какъ мраморъ холодный, я вѣмъ, недвижимъ.

Когда на могильныя свѣжія розы
Мои я послѣднія выплачу слезы,—
Тогда и послѣднюю пѣсню спою,
А съ нею и душу мою скороню.

Н. Голиневичъ.

ГОЛОВА.

(Юмористическій эскизь.)

Былъ у меня пріятель, малый молодой, красивый, хорошо воспитанный, любезный, весельчакъ, съ добрымъ сердцемъ и съ хорошимъ состояніемъ. Природа, казалось, не поскупилась надѣлать его своими дарами. По это только *казалось*. Природа никого не балуетъ. Она, въ своемъ тонкомъ, до безконечности неуловимомъ расчетѣ, производитъ иногда такіа сочетанія, предъ которыми бѣдный умъ человѣческой становится совершенно въ тупикъ. Ивану Михайловичу, напримеръ, даритъ она такое тудовище, что онъ самъ не знаетъ, куда съ нимъ дваться: вездѣ ему тѣсно; а Михайлу Ивановичу даетъ форму листка, засушеннаго въ альбомѣ. Чтѣбы ей отъ одного отнять, а другому придать? Оба были бы довольны, — а ей-то не все ли равно? Такъ нѣтъ — вѣрно не все равно!

Виновать, я забылъ назвать моего героя. Его звали Владиміромъ Ивановичемъ. Природа, осыпавъ его своими дарами, надѣлила, между прочимъ, такими головными болями, что онъ просто сходитъ отъ нихъ съ ума. Такихъ болей хватило бы на жизнь десятерыхъ человѣкъ здоровой комплекціи, даже съ избыткомъ. Къ счастью или несчастью, онѣ падали на него раза два въ мѣсяць, но за то всегда врасплохъ. Разъ онъ былъ на вечерѣ, любезничалъ. Его упростили нѣтъ. Онъ съѣлъ за фортепяно. Голосъ у него былъ чистый, пріятный. Всѣ слушали его съ удовольствіемъ. Но вдругъ сильная атака головной боли поразила несчастнаго нѣвца въ ту самую минуту, когда онъ нѣлъ:

Посмотри на меня!

Полобуйся же мной!...

Онъ вскочилъ, какъ изступленный, съѣлъ на клавиатуру, поднялъ руки, сжалъ кулаки, и, съ открытымъ ртомъ, съ закатившимися глазами выжидалъ, притаивъ дыханіе, пока прекратится пароксизмъ. Гримаса, которую онъ при этомъ сдѣлалъ, такъ была удачна, что общество покатилося отъ смѣха. Взрывъ рукоплесканий привѣтствовалъ нѣвца за его веселую выходку. Никто не сомнѣвался, что Владиміръ Ивановичъ желаетъ развеселить общество.

Опомнившись, онъ въ одно мгновеніе сообразилъ всю смѣшную сторону своего положенія. Самое благоразумное было — не разочаровывать въ такомъ случаѣ общества. Онъ такъ и сдѣлалъ: началъ смѣяться вмѣстѣ съ другими.

Бѣды тутъ еще не было, но бѣда скрывалась въ томъ, что, боясь показаться смѣшнымъ, онъ долженъ былъ скрывать отъ всѣхъ настоящую причину своихъ странныхъ выходокъ. Одному только мнѣ было извѣстно

это; прочіе считали Владиміра Ивановича забавникомъ, душой общества. Много было съ нимъ смѣшныхъ пріключеній по этому поводу, — смѣшныхъ, конечно, не для него. Смѣялись другіе; пожалуй и онъ смѣялся смѣхомъ покойнаго Каратыгина, когда тотъ произнесъ: «Крови!... Кровя!»; но на сердцѣ у него скребли кошки. Самолюбіе его терзалось. Я хочу сообщить вамъ одно происшествіе, падъ которымъ онъ самъ смѣялся въ послѣдствіи.

Былъ у него одинъ знакомый домъ Трамбовыхъ; семейство ихъ состояло изъ отца пятидесяти лѣтъ, — какъ значилось въ формулярномъ спискѣ; матери — неизвѣстныхъ лѣтъ и дочери, на видъ лѣтъ девятнадцати, хотя злые языки говорили, что ей всѣ двадцать шесть. Но мало ли что говорятъ злые языки! Вамъ извѣстно по опыту, какъ любятъ люди прибавлять ко всему. Отца звали Попкой, или Попенькой, мать — Душкой, или Душенькой, дочь — Лялей. Конечно, это были имена ласкательно-уменьшительныя, употреблявшіяся въ семействѣ; настоящихъ же я въ то время не слыхалъ. — Они были люди не то, чтобы богатые, да и не бѣдные, а такъ — середка на половинѣ. Попенька владелъ обширнымъ голосомъ и воображаемымъ краснорѣчіемъ. При всей своей тупости, онъ считалъ себя чрезвычайно тонкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это замѣтно было и въ его обхожденіи съ людьми, и въ его самодвольной улыбкѣ, и даже въ его взглядахъ, которые онъ бросалъ искоса, какъ будто буравилъ васъ имъ до глубины вашего сердца. — Душенька особыхъ примѣтъ не имѣла. У ней все было, какъ слѣдуетъ; даже было лишнее: я разумѣю подъ этимъ постоянный флюсъ, переносившійся со щеки на щеку. Ляля была средняго роста, пріятной полноты, свѣжепкая, хохотунка и очень добрая дѣвушка. Къ тому же виртуозка: играла и нѣла. За этотъ пріятный талантъ нѣкоторые злые языки называли ее *невѣстой съ музыкой*. Угодите послѣ этого злымъ языкамъ! Владиміръ Ивановичъ съ своей стороны утверждалъ, что у ней есть что-то такое, что очень правится мужчинамъ, и что глаза ея много обѣщаютъ. Чтѣ онъ хотѣлъ сказать этимъ, я не знаю. Не смотря на все это, Владиміръ Ивановичъ не былъ влюбленъ въ Лялю. Она только правилась ему. При всемъ томъ онъ сознавался, что въ ея присутствіи чувствовалъ какую-то душевную теплоту и находилъ неизяснимое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нею не потому, чтобы разговоръ ихъ былъ чрезвычайно интересенъ, по потому, что слова ея, какъ бы ни просто было ихъ значеніе, пріятно отдавались въ его сердцѣ. Все это говорилъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ. О женитбѣ онъ не начиналъ еще думать. Онъ считалъ это постороннимъ вопросомъ, рѣшеніемъ котораго должны только заниматься люди спеціальныя по этой части.

Владимиръ Иванычъ часто посѣщалъ Трамбовыхъ. Его принимали съ радостію. Болѣе всѣхъ радовалась, разумѣется, Ляля. Мать встрѣчала его съ пріятной улыбкой, а отецъ съ видомъ собственнаго достоинства и съ принужденнымъ выраженіемъ безпечности. Молодежь большею частію просиживала вмѣстѣ. Они играли въ четыре руки; смѣялись, когда кто-нибудь фальшивилъ; при этомъ мѣнялись взглядами — и это было для нихъ весело. Многимъ покажется это смѣшнымъ — и я вполне согласенъ. Я помню, какъ однажды за обѣдомъ кто-то обварилъ себѣ ротъ горячимъ супомъ; — со стороны это тоже казалось очень забавнымъ.

Одинъ разъ Попеньки не было дома. Душенька лежала на диванѣ съ подвязанною щекою и охала. Ляля грустно сидѣла у окна и смотрѣла внимательно, какъ шель спитъ. Явился Владимиръ Иванычъ. Но на этотъ разъ его приходъ не оживилъ общества. Душенька держала обѣими руками щеку, какъ какую-нибудь драгоценность. Ляля была задумчива. Разговоръ не клеился. Владимиръ Иванычъ чувствовалъ себя какъ-то не ловко и сбирался уже откланяться. Ляля замѣтила это.

— Вы, кажется, куда-то торопитесь? сказала она грустно, положивъ обѣ руки на колѣни и взглянувъ на гостя: вамъ скучно съ нами?

— Напротивъ! отвѣчалъ онъ: по мнѣ кажется... можетъ быть, я безпокою васъ... Я бываю у васъ такъ часто, почти каждый день?

— Не каждый день! Я помню, когда вы у насъ бываете!

Последнія слова произнесены были съ легкимъ упрекомъ; но это ускользнуло отъ вниманія Владимира Иваныча.

— Впрочемъ,—продолжала Ляля обиженнымъ тономъ, види, что гость ничего не отвѣчаетъ: къ чему я стараюсь насильно васъ удерживать!... Вы, можетъ быть, намѣреваетесь пріятно провести время, а я вамъ мѣшаю!...

Владимиръ Иванычъ окончательно потерялъ пріятное расположеніе духа.

— Что это? подумалъ онъ: она будетъ прогонять меня, а я буду сопротивляться!... Не последовать ли въ самомъ дѣлѣ ея совѣту?

Но тутъ онъ почувствовалъ, что уйти какъ-то не ловко. Да и оставаться было не совсѣмъ ловко. А между тѣмъ нужно было о чемъ нибудь говорить.

— Здоровы ли вы? вдругъ спросилъ онъ.

Ляля посмотрѣла на него въ свою очередь странными глазами.

— Что это вамъ вздумалось спросить? сказала она съ удивленіемъ.

Онъ всхлинулъ.

— Такъ... Я... Вы сегодня совсѣмъ не тѣ, какою я обыкновенно привыкъ васъ видѣть!

— И вы замѣтили это?... А какою же я бываю обыкновенно? спросила Ляля своимъ звучнымъ голосомъ.

Улыбка порхнула на губкахъ ея и помѣстилась въ глазахъ.

Владимиръ Иванычъ оживился.

— Вы?... Да вотъ хоть такія, какъ въ эту минуту: веселія, счастливыя, безпечныя!... Вамъ грусть не къ лицу!

Ляля нахмурила бровки, и, помолчавъ немного, встала съ мѣста.

— Не хотите ли сыграть à quatre mains? У меня новая пьеса Эрнани

— Съ удовольствіемъ! Но не помѣшаемъ ли мы вашей матушкѣ?...

— Охъ?... Она поблагодарила бы насъ, если бы мы могли помѣшать ей! сказала она смѣясь.

Это замѣчаніе не понравилось Владимиру Иванычу. Онъ сѣлъ за фортепiano съ явнымъ нежеланіемъ. Музыка не ладилась. Ляля поминутно сбивалась. Онъ пропустилъ ноты.

— Что съ вами сегодня? спросила Ляля, замѣтивъ разстроенный видъ его: вамъ, можетъ быть, не хочется играть со мною? Вы церемонитесь?

— Ахъ, нѣтъ!... сдѣлайте одолженіе!...

— Скажите мнѣ откровенно, что съ вами? продолжала Ляля съ участіемъ.

Владимиръ Иванычъ и самъ хорошенько не зналъ, что съ нимъ; но какая-то враждебная сила ворочала его языкомъ и заставляла его произнести то, чего онъ и не думалъ.

— У каждого человѣка бываютъ свои минуты безотчетной грусти. Грустинъ тогда, когда слѣдовало бы радоваться. Можетъ быть, послѣ будешь жалѣть, зачѣмъ грустишь... но, къ несчастію, это не отъ насъ зависитъ! проговорилъ онъ съ натяжкой.

Взглянувъ на Лялю и встрѣтивъ ея блестящіе глаза, онъ вздохнулъ, самъ не зная, отъ чего.

— Какое же лѣкарство помогаетъ вамъ отъ грусти!

— Участіе, дружба — не смѣю сказать — любовь? Я не испыталъ этого!

— А вы не были влюблены? спросила Ляля перѣшпительнымъ голосомъ.

Владимиръ Иванычъ хотѣлъ отвѣчать, но въ эту минуту сильная атака головной боли заставляла его схватиться обѣими руками за виски и невольное «ахъ!» вырвалось изъ его груди. Какъ ни старался онъ остановить это «ахъ!», но оно улетѣло должно быть въ другую комнату, потому что Душенька, прислушивавшаяся къ ихъ разговору, осторожно встала и вышла, какъ-будто желая что-то поймать.

— Что съ вами? спросила испуганная Ляля: скажите откровенно, что съ вами?

Онъ ничего не слышалъ. Ему казалось, что въ головѣ его помѣстились Царь-колоколъ и звонятъ въ него немилосердно.

— Ужасно!... Ужасно! повгоруялъ онъ, не измѣняя своего положенія.

Замѣтивъ наконецъ передъ собою взволнованное личико Ляли, онъ опомнился.

— Простите меня! сказалъ онъ съ чувствомъ, пожимая ея руку: я не могъ выдержать! Я задыхался! Пожалѣйте меня!... Я несчастный чедовѣкъ!...

— Я васъ жалю! отвѣчала Ляля, сжавъ его руку. Вы не довѣряете мнѣ! Вѣрно я не заслуживаю вашей довѣренности!

Двѣ слезинки блеснули въ одно время на ея рѣсницахъ и быстро упали на платье.

Тронутый ея участіемъ, Владиміръ Иванычъ хотѣлъ поцѣловать ея хорошенькую ручку (хотя, говоря по совѣсти, онъ сдѣлалъ бы это охотно и во всякое другое время); но въ эту минуту проклятая головная боль усилилась до того, что у него позеленѣло въ глазахъ.

Опомнившись, онъ почувствовалъ около своихъ губъ пухленькую ручку Ляли. Она оканчивала:

— Можете ли вы сомнѣваться!... Не уже ли вы боитесь высказаться?... Или вы считаете меня недостойною....

Но Владиміру Иванычу совѣстно было сознаться. Онъ боялся показаться жалкимъ, смѣннымъ.

— Это ничего! отвѣчалъ онъ, вставая: въ другой разъ я все перескажу вамъ; но теперь я не въ состояніи!

Оглянувшись и замѣтивъ, что они одни, онъ прибавилъ:

— Извините меня передъ вашею маменькою!... Я, право, не въ силахъ....

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, такъ быстро, какъ ракета.

Но маменьгѣ не нужно было передавать его извѣщенія: она все слышала изъ другой комнаты. Какъ только онъ хлопнулъ дверью, она появилась на порогѣ. Лицо ея сіяло, и если бы не флюсъ, она въ эту минуту могла бы даже поправиться не очень взыскательному чедовѣку.

— А гдѣ же Владиміръ Иванычъ? спросила она у дочери, притворяясь удивленною.

— Онъ ушелъ! отвѣчала Ляля проворно укладывая ноты: онъ не совѣмъ здоровъ.... просилъ извиниться передъ вами....

Голосъ ея дрожалъ.

Мать значительно улыбалась.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда улеглась Ляля, супруги Трамбовы лежали на кровати: одинъ на лѣвомъ, а другая на правомъ боку. Оба были съ подвѣзанными щеками. Она—по случаю флюса, онъ—по случаю бакенбардъ. Они вели полу-шопотомъ слѣдующій разговоръ:

— Вотъ оно дѣло-то какого рода! говорилъ онъ, откашливаясь самодовольно: такъ ты думаешь, что онъ тово?...

— Какъ же! Я своими ушами слышала!... Нарочно ушла, чтобъ не мѣшать имъ!

— Однако, знаешь ли, то, что онъ говорилъ, нельзя считать тово.... формальнымъ предложеніемъ! Что!... Ну, какъ онъ это тово.... просто себѣ точилъ тово.... точилъ языкъ?... А?...

— Нѣтъ, нѣтъ!... Что ты!... Я тебѣ повторяю, что онъ совѣстится! У него не достаетъ духа объясниться! Ты слушай меня! Я это вижу, давно вижу! Ты, Попка, самъ ничего не замѣчаешь, такъ думаешь, что и другіе ничего не могутъ замѣтить. Ужь я говорю тебѣ, что такъ,—ты мнѣ вѣрь! Не стану же я говорить тебѣ небывальщину ни съ того, ни съ другаго!

— Гмъ! произнесъ Попка.

— А наша Ляля молодецъ! нечего сказать! продолжала мать: кто ее училъ!

— Гмъ! отвѣтилъ Попка.

— Умница! умница!... Я замѣтила на балу у Кудриковыхъ, что онъ къ ней не равнодушенъ, но не показывала вида! Онъ очень радъ посвататься, да боится отказа! Самолюбіе!... Вотъ что!... Видить, что за дѣвушкой много ухаживаютъ, и Сидоръ Карпычъ и Карпъ Сидорычъ и Тарасъ Тарасычъ,—все, знаешь ли, женихи не какіе нибудь! Ну,—разумѣется, и боится, чтобъ не забраковали! Послѣ надъ нимъ же стануть смѣяться!

— Гмъ! отвѣтилъ глухо Попка.

— А, что, Попка?... говорила я тебѣ: молодежь надо принимать въ домъ! Ты не хотѣлъ. Какъ можно?... Женихъ ли, не женихъ ли, люди почему знаютъ? Пусть думаютъ себѣ, что женихъ? тѣмъ лучше! Чѣмъ больше жениховъ, тѣмъ больше чести для дѣвушки! Охотнѣе посватаются!... Слпшь?...

— Гмъ!... Нѣтъ!... Я думаю тово....

— Что?

— Все на счетъ тово....

— Ну, какъ же ты придумалъ?

— Нужно заставить его тово....

— А вотъ завтра онъ будетъ, такъ ты переговори съ нимъ! Скажи, что люди начинаютъ поговаривать, называютъ его женихомъ, а тебѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Ну, какъ отецъ, ты и хочешь положить конецъ этимъ толкамъ. Другой, можетъ быть, изъ-за

нихъ и не посвѣтается. Понимаешь?... Хочешь узнать, съ какимъ намѣреніемъ онъ ѣздитъ къ намъ въ домъ такъ часто.... Вотъ этакъ!... Увидишь, что онъ тутъ же тебѣ во всемъ откроется!...

Полночь пробилла, а Трамбовы все еще не умолкали. Она еще долго перебирала приданое, назначала день свадьбы, даже распорядилась, во что одѣться.... Наговорившись досыта, супруги, отвернувшись другъ отъ друга, уснули въ пріятныхъ мечтахъ.

На другой день въ квартирѣ Трамбовыхъ все приняло официальный видъ. Чехлы сняли. Вставили цѣльные свѣчи. Обтерли зеркала и картины. Отецъ и мать принарядились. Ляль было велѣно причесать получше голову и надѣть платье съ баскиномъ. Ей было сказано, что будутъ гости; а между тѣмъ всѣ ходили озабоченные, съ угрюмыми лицами.

Прошелъ вечеръ. Владиміръ Ивановичъ не являлся. Всѣ легли спать въ дурномъ настроеніи духа.

— Что же это онъ не тово?... спросилъ Попка у своей супруги, подвизывая бакенбарды.

— Завтра придетъ непременно, отвѣчала она.

Прошла недѣля. Владиміръ Ивановичъ не являлся. Трамбовы посылали навѣдаться объ его здоровьѣ. Узнали, что онъ боленъ, три дня не вставалъ съ постели, а теперь ему лучше; приказалъ кланяться и благодарить.

— Отъ любви захваралъ! говорила мать: тутъ нечего и думать!... Онъ страстно влюбленъ въ Лялю!

Попка старался припомнить всѣ обстоятельства, чтобъ вывести правильное заключеніе, но путался въ догадкахъ. То ему казалось ясно, какъ дважды два — четыре, что Владиміръ Ивановичъ влюбленъ дѣйствительно. То опять онъ убѣждался въ противномъ. Будь онъ точно влюбленъ, да робокъ — въ такомъ случаѣ нужно поддержать его, подкуражить, а то чего добраго, и любовь остынетъ? Надо показать, что родители не прочь! Такого жениха упускать нельзя!... Ну, а какъ онъ не влюбленъ?... Дѣло скверное! Прямо навязываться нейдетъ! Все испортишь!... Задача-сь!

— Послушай, душенька! сказалъ Попка, потирая себѣ ладонью бакенбарды: я знаешь ли тово.... думаю, какъ наша исторія съ Владиміромъ Ивановичемъ разиграется?... Что?... А?... Такъ не лзя же?... А? Что?...

— Пока ты будешь думать, да сидѣть заложа руки, у тебя и дочь состарѣется въ дѣвкахъ! Бѣда съ такими мужьями, какъ ты — хуже всякой бабы! прибавила она съ сердцемъ.

— Да я-то чѣмъ.... тово?...

— Гдѣ это видано!... Будь я отцемъ, у меня это все давно было бы кончено!

— Я тебя, душенька, тово.... спрашиваю!... Какъ же тутъ тово?

Попка прошелся по комнатѣ.

— Ну, что же ты присовѣтуешь? продолжалъ онъ ласково.

— Дѣлай, какъ знаешь, а послѣ пеняй на себя! отвѣчала она будто бы равнодушно.

Этой фразой, она обыкновенно заставляла мужа дѣлать все, что ей угодно.

— Дѣлать-то я тово.... готовъ дѣлать! говорилъ Попка, какъ бы разсуждая самъ съ собою: знай я, что онъ влюбленъ и хочетъ жениться, я сей-часъ тово.... А то вѣдь кто его знаетъ?... Просто не понимаю, какъ тово....

— Чего тутъ не понимать? Говорить тебѣ, такъ слушай! Не сумасшедшая же я! Не стану говорить тебѣ, чего нѣтъ! Ты наладилъ свое: влюбленъ, такъ откроется! Будетъ судьба — не минуешь! Хорошо ты поешь, Попка, да не въ клѣткѣ! Того жениха упустимъ, другаго, третьяго.... Вотъ тебѣ и судьба! Самъ никто не женится, — надо, чтобы помогли добрые люди! Не просить же мнѣ чужихъ, когда родной отецъ не хочетъ! А мое дѣло женское!... Право, досада беретъ!...

Попка обнялъ Душеньку.

— Полно, полно сердиться!... Ты знаешь, я всегда тебя тово.... И теперь, если тебѣ хочется, я пожалуй тово.... съѣзжу къ нему пере-тово.... переговорю?...

— Непременно! Прямо такъ-таки и скажи: мы давно замѣтили, что они другъ другу правятся, и не хотимъ мѣшать ихнему счастью! Вотъ и дѣло съ концемъ!

— Изволь! Ёду!... А какъ онъ.... тово? — вопроситель-но произнесъ Попка, останавливаясь.

Строгий взглядъ, брошенный супругою, заставилъ его круто обернуться на мѣстѣ.

МАРЧЕНКО

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖЕРТВА ИГРЫ.

РАЗСКАЗЪ.

(Съ нѣмецкаго.)

Ты желаешь знать, какъ я познакомился съ своею невѣстой? сказалъ пріятель мой Жоржъ Карсонъ. Это старая исторія; но такъ-какъ въ ней много романическаго и печальнаго, то она тебѣ понравится.

Вскорѣ послѣ того, продолжалъ мой пріятель, какъ появилась въ Калифорніи «золотая лихорадка», я, какъ тебѣ извѣстно, первый отважился отправиться въ эту незнакомую страну, въ надеждѣ на пріобрѣтеніе большаго богатства. Я пріѣхалъ туда съ избраннымъ обществомъ друзей, и мы тотчасъ пришли въ рудокопни. Выбравъ мѣсто, мы весело и бодро принялись за работу, трудились около мѣсяца, и, въ теченіе этого времени, сдѣлали то непріятное открытіе, что не все

то золото, что блеститъ, и что даже въ странѣ самой богатой золотомъ, есть много земли, которая не содержитъ въ себѣ ничего блестящаго.

Не смотря на прилежную работу, мы въ это время не промыли золота на наше содержаніе и на покрытіе путевыхъ издержекъ, и начинали понемногу унывать. Одинъ говорилъ, что золото здѣсь; другой, что оно тамъ; третій, что его нигдѣ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ такомъ количествѣ, чтобы стоило труда искать его. Золото было, потому что мы уже видѣли его нѣсколько разъ, но не въ такихъ самородкахъ, какъ мы мечтали; и хотя мы все были увѣрены, что имѣя рудники подъ рукою и платя за столъ по одному доллару въ недѣлю, мы издержали бы не значительную сумму на рытье и промываніе, но все-таки никакъ не были убѣждены въ томъ, что когда-нибудь будетъ намъ удача въ Калифорніи.

Конечно, если бы мы хотѣли вѣрять чужестранцамъ, приходившимъ случайно въ наши палатки, то много было большихъ жилъ чистѣйшаго золота вездѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ мы находились; и, такъ-какъ каждый изъ насъ былъ убѣжденъ, что онъ лучше другихъ знаетъ, гдѣ какія жилы, то мы раздѣлились попарно и разбрелись по этой странѣ чудесъ. Но мы не скоро нашли эти сокровища; я же съ товарищемъ моимъ заспорилъ до того, что одинъ изъ насъ пошелъ направо, а другой направо. Проведши день или два въ розыскахъ, я былъ такъ счастливъ, что нашелъ мѣсто, гдѣ было значительное количество грубаго золота. Я работалъ цѣлую недѣлю одинъ, стрѣляя дичь, чтобы удовлетворить необходимымъ потребностямъ желудка. Однако же мое уединенное мѣстопребываніе было не изъ самыхъ пріятныхъ, особенно ночью, и хотя добываніе золота шло, какъ нельзя лучше, и я питалъ себя надеждою, что нѣкогда сдѣлаюсь очень богатымъ, но все не съ такимъ ужасомъ, какъ Робинзонъ Крузе, когда онъ открылъ на песокъ человѣческіе слѣды, увидѣлъ я однажды передъ собою молодого незнакомца, приличной наружности, съ черными волосами и глазами, съ блѣдными, классическими, полными ума, чертами.

Генри Гордонъ, такъ его звали, пріѣхалъ сюда изъ Новой Англій только для того, чтобы разбогатѣть, какъ онъ самъ выражался, и женившись на молодой, хорошенькой наследницѣ, сравняться съ нею въ богатствѣ, потому что родители ея, богатые торговцы, рѣшительно противились тому, чтобы единственная дочь ихъ стала женою человѣка, по ихъ мнѣнію, недостойнаго ея. Генри Гордонъ былъ лѣтъ двадцати четырехъ, получилъ хорошее воспитаніе, и его образованіе и образъ мыслей обнаруживали истиннаго джентльмена; чѣмъ болѣе я его узнавалъ, тѣмъ болѣе онъ мнѣ нравился,

и тѣмъ искреннѣе презиралъ я эту суровую гордость богатства, которая одного человѣка, подобіе своего Создателя, не равняетъ съ другимъ, отъ того только, что у него менѣе грязи этого міра, менѣе этой желтой пыли, за которою мы гоняемся съ такою жадностію.

Генри Гордонъ и я, мы работали вмѣстѣ нѣсколько недѣль. Одинъ изъ насъ попеременно ходилъ въ ближайшее селеніе за необходимыми продовольствіями, потому что дичь стала рѣдѣть, и отняла бы у насъ слишкомъ много времени, если бы мы продолжали охотиться. Тутъ я душевно привязался къ моему товарищу, и мы во многомъ сходились чувствами.

— Разбогатѣю ли я когда нибудь? Возвращусь ли на свою сторону? говорилъ онъ часто съ отчаяніемъ. Увижу ли когда нибудь опять свою дорогую Агнесу? Найду ли ее вѣрною бѣдному, одинокому путешественнику? Она обѣщала остаться мнѣ вѣрною, обѣщала ждать цѣлые годы, если будетъ нужно. Мнѣ кажется, она истинно любила меня, и была чужда эгоистичныхъ чувствъ ея родителей; но... ей долго ждать! Я такъ несчастливъ здѣсь! Я бѣдствую! Моя нѣжная организація противится этой тяжелой работѣ, и мнѣ иногда приходитъ въ голову, что я найду въ Калифорніи свою могилу, испущу послѣдній вздохъ между чужими, вдали отъ той, для которой сюда пріѣхалъ.

Я ободрялъ его; сколько разъ просилъ его не отчаиваться, увѣрялъ его, что мы выбрали отличное мѣсто, и хотя надобно много времени, чтобы разбогатѣть отъ рытья золота, но все-таки полагаю, что скоро можемъ собрать достаточный капиталъ, и начать такое предпріятіе, посредствомъ котораго онъ скорѣе и сообразнѣе съ своею латурой пріобрѣтетъ состояніе: иные такимъ образомъ обогащались, и я не вижу, почему мнѣ и ему не быть въ числѣ ихъ.

Тяжелая работа въ рудоконьяхъ и жизнь на вольномъ воздухѣ при вѣтрѣ и непогодѣ, при жарѣ и туманѣ, все эти внезапныя перемены вредно подѣйствовали на его здоровье. Уже нѣсколько болѣзненный при своемъ прибытіи, онъ съ каждымъ днемъ блѣднѣлъ и слабѣлъ; наконецъ запеломъ и принужденъ былъ оставить работу. Я ухаживалъ за нимъ, помогалъ ему, по возможности, и онъ оправился на столько, что могъ покинуть рудоконню, но не могъ продолжать работу. Съ этихъ поръ онъ совершенно упалъ духомъ, и безпрестанно говорилъ о своей Агнесѣ, иногда съ молитвой къ Богу, чтобы ему дозволено было возвратиться въ отечество, и увидѣться съ нею, прежде нежели онъ отойдетъ отъ этого міра.

— Если я не могу выздоровѣть, говорилъ онъ часто, если не могу соединиться съ Агнесой и идти съ ней рука объ руку по пути жизни, то молю Небо о послѣднемъ счастіи — умереть и быть погребену въ ея

родины, въ томъ воздухѣ, которымъ она дышитъ, чтобъ она иногда могла взглянуть на мою одинокую могилу!

Наконецъ, поблагодаривъ меня со слезами на глазахъ за все мои ласки и угожденія, онъ простился со мною, взявъ съ такимъ трудомъ приобретенное свое золото, и отправился въ Санъ-Франциско.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я все еще работалъ въ горахъ съ большимъ успѣхомъ, только изрѣдка мѣняя мѣсто, до тѣхъ поръ, пока наступили дожди. Я льстил себя надеждою, что съ своимъ капиталомъ могу скорѣе достигъ чего нибудь лучшаго, ежели перемѣню образъ пріобрѣтенія, и тоже уѣхалъ въ Санъ-Франциско.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, шелъ я по главной улицѣ, которая состояла тогда изъ однихъ лавокъ и хижинокъ, какъ услышалъ, что меня зоветъ знакомый голосъ. Я обернулся, Генри Гордонъ подбѣжалъ ко мнѣ, и схватилъ меня за руку.

— Любезнѣйшій другъ! вскричалъ онъ: какъ я радъ, что васъ вижу; я уже думалъ, что вы занемогли и умерли въ рудоконняхъ. Но видъ вашъ доказываетъ, что вы здоровы, и, *надюсь*, получили полный успѣхъ въ награду за все ваши лишения!

Я отвѣчалъ, что не имѣю причины жаловаться, и что чрезвычайно радуюсь, видя его совершенно здоровымъ и счастливымъ.

— Да, отвѣчалъ онъ; я чувствую себя, какъ пельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ — въ душевномъ, физическомъ и денежномъ. Здоровье, энергія и надежда снова возвратились ко мнѣ, и я теперь на пути къ счастью и богатству. Съ малыми средствами, какъ вамъ извѣстно, пріѣхалъ я сюда, тотчасъ началъ небольшую торговлю, покупалъ и продавалъ, и такъ-какъ счастье постоянно мнѣ благоприятствовало, то я скоро нажилъ тысячи. Видите эту большую хижину, заключилъ онъ, — ну! она и все, что въ ней есть, моя собственность. Пойдемте, другъ мой, вы должны жить у меня, и, если вздумаете начать также какую нибудь торговлю, то я почту за удовольствіе помочь вамъ.

— Какія извѣстія объ Агнесѣ? спросилъ я, идучи за нимъ въ домъ, гдѣ увидѣлъ двухъ прикащиковъ, надписывающихъ цѣну товарамъ, которые въ скоромъ времени могли бы обогатить всякаго.

— О! объ ней извѣстія самая лучшія! отвѣчалъ онъ съ сіяющимъ взоромъ: лучшія, нежели я ожидалъ. Я получилъ отъ нея письмо, въ отвѣтъ на мое; она уведомляетъ меня, что дѣла отца ея очень запутаны, что онъ теперь бѣденъ и подверженъ всевозможнымъ лишениямъ. Карсонъ! это превосходная новость для меня, и счастливѣйшимъ днемъ моей жизни будетъ тотъ, когда я, возвратившись нѣкогда на родину, и, взявъ за руку Агнесу, съ гордостью скажу ей сребролюбивымъ

родителямъ, что бѣдный, отвергнутый имъ, можетъ теперь исполнить самую смѣлую ихъ мечту о богатствѣ. О, Жоржъ! Я долженъ разбогатѣть, страшно разбогатѣть! Все желанія мои стремятся къ одному — чтобъ сдѣлаться милліонеромъ, чтобъ выстроить дворецъ для моей Агнесы, и съ высоты его съ презрѣніемъ смотреть на этихъ нѣкогда гордыхъ богатствомъ своимъ глупцевъ, которые отталкивали меня въ бѣдности, и воображали, что я ниже ихъ, потому только, что у меня не было того талисмана, которымъ владѣю теперь! О, какое будетъ торжество для меня и для Агнесы!

— Но, будьте осторожны, Гордонъ, возразилъ я; не желайте слишкомъ многого; не забудьте басни о курицѣ съ золотыми яйцами!

— О! я буду остороженъ, но вмѣстѣ и смѣлъ! отвѣчалъ онъ гордо и самоувѣренно. Алладипова лампа въ моихъ рукахъ! Я буду богатъ, страшно богатъ, Черезъ годъ возвращусь на родину! Пойдемте, разомъ емте булычку вина за здоровье моей восхитительной Агнесы! Потомъ поговоримъ о вашихъ дѣлахъ, потому что и вы должны разбогатѣть, возвратиться со мною, и радоваться моему торжеству; послѣ Агнесы вы займете первое мѣсто въ моемъ сердцѣ: Генри Гордонъ никогда не забудетъ своего друга.

Я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ Гордона, пускался въ разныя спекуляціи, изъ которыхъ нѣкоторыя удавались, другія нѣтъ, и, по истеченіи вышеупомянутаго времени, рассчиталъ, что выручилъ именно такую же сумму, на какую вырылъ золота. Генри Гордонъ былъ счастливѣе. На немъ оправдывалась, казалось, басня о царѣ Мидасѣ: все, до чего онъ ни дотрогивался, превращалось въ золото. Вслѣдствіе своей удачи, онъ все болѣе горячился и становился смѣлѣе, до того, что даже пугалъ меня; я боялся, что отъ какаго нибудь несчастнаго случая онъ разорится. Но сколько я ни предостерегалъ его, онъ смѣялся мнѣ въ глаза, и повторялъ:

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что въ моихъ рукахъ Алладипова лампа?

Кромѣ того, кой-что другое чрезвычайно меня тревожило: чѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ, тѣмъ болѣе, казалось, желалъ пріобрѣтать; и, хотя богатство его далеко превосходило его прежнія желанія, но онъ, по видимому, еще далекъ былъ отъ своей цѣли, и, алкая пріобрѣсть еще больше, какимъ бы то ни было средствомъ, сталъ посѣщать игорные вертены, которыхъ развелось вокругъ насъ очень много, и всегда выходилъ оттуда съ огромнымъ выигрышемъ.

Замѣтивъ, что мое положеніе въ Санъ-Франциско не улучшалось, я рѣшился возвратиться въ рудоконни, и простился съ своимъ другомъ, надѣлывая его самыми

важными наставленіями и увѣщаніями. Но, такъ-какъ мой разсказъ касается болѣе его, чѣмъ меня, то не стану говорить о времени моего отсутствія, длившемся нѣсколько мѣсяцевъ.

При моемъ возвращеніи, отыскалъ я жилище Генри Гордона не безъ сильнаго біенія сердца. Въ конторѣ его было менѣе жизни, чѣмъ прежде; самого его не было тамъ. На мои вопросы о немъ, указали мнѣ великолѣпный салонъ или, лучше сказать, вертепъ, сіяющій золотомъ, который, въ послѣднее время, сдѣлался его постояннымъ мѣстопробываніемъ. Я не сталъ искать его тамъ, потому что у меня было спѣшное дѣло; но въ слѣдующій вечеръ, увидѣвъ игорный домъ ярко освѣщеннымъ, осмѣлился войти въ него, и тамъ, въ тѣсной толпѣ игроковъ, у стола, за которымъ играли въ фарао, увидѣлъ я моего друга, отчаянно понтировавшаго, и на котораго обращены были взоры всѣхъ. Онъ стоялъ такъ, что свѣтъ рѣзко падалъ на черты его; и я со страхомъ увидѣлъ его блѣдное, похожее на призракъ лицо, нахмуренный лобъ, сжатые губы и пылавшіе глаза, устремленные на издававшаго карты. Счастіе ему измѣнилось, это было ясно. Съ дикимъ, безумнымъ отчаяніемъ человѣка, который знаетъ, что, если смѣлостію не возвратитъ потеряннаго, то онъ разорится, поставилъ онъ все, что имѣлъ, въ эту азартную игру.

Какъ заколдованный его видомъ, стоялъ я нѣсколько минутъ, печально смотря на его измѣнявшееся лицо, проклиная страсть, сдѣлавшуюся его казнію. Наконецъ, въ ту минуту, какъ я намѣревался броситься къ нему, и, если можно, увлечь его оттуда, онъ вдругъ покачнулся назадъ, схватился дрожащими руками за голову, между тѣмъ, какъ на судорожно-искаженномъ лицѣ его появлялись крупныя капли пота. Черезъ минуту онъ вскричалъ такимъ отчаяннымъ голосомъ, который еще по сію пору звучитъ въ ушахъ моихъ: «О! Боже! Я погибъ!» Толпа разступилась, чтобы пропустить его. Одни смотрѣли на него съ участіемъ, другіе — съ язвительною улыбкой: это были тѣ, которые старались разорить его, и могли похвалиться успѣхомъ. Я быстро бросился къ нему, и схватилъ его за руку.

— Другъ мой! сказалъ я, пойдѣмъ со мною.

Сперва онъ не узналъ меня, и съ силой оттолкнулъ меня, сказавъ:

— Убирайся отъ меня къ чорту! Я разоренъ, чего-жь тебѣ еще?

— Генри! сказалъ я, стараясь его успокоить, развѣ ты не узналъ своего друга, Жоржа?

Онъ быстро провелъ рукою по глазамъ, какъ бы отгоняя отъ нихъ туманъ, и отвѣчалъ глухимъ, сильно разстроеннымъ голосомъ:

— Это ты, Жоржъ? Я принялъ тебя за другаго. Я

счелъ тебя за діавола въ человѣческомъ видѣ, который искалъ меня, и ввергнулъ въ эту пропасть гибели. Жоржъ! продолжалъ онъ, быстро вытащивъ меня за руку изъ толпы, Жоржъ, я погибъ въ этой и будущей жизни! Я всего лишился, всего, всего, счастья, чести, надежды, своей Агнесы....

— Но ты въ скоромъ времени можешь снова пріобрѣсть все, что потерялъ, Генри, если только удалишься изъ этого вертепа.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ внѣ себя, теперь ужь поздно! поздно!... Жоржъ! я радъ, что ты здѣсь. Какъ горячо желалъ я видѣть друга, но какъ могъ я надѣяться, что ты пріѣдешь! Вотъ, возьми это кольцо, и если когда нибудь возвратишься въ Штаты, отыщи Агнесу Вальтамъ, скажи ей, что оно отъ меня, и что я благословилъ ея память.

— Что значатъ эти слова, Генри? сказалъ я встревоженный. Надѣюсь, ты возьмешь кольцо назадъ.

— Я не могу жить болѣе, прошептала онъ, отвернувшись отъ меня. Общай мнѣ, что отдашь это кольцо Агнесѣ, съ горячимъ желаніемъ ей отъ меня всевозможнаго счастья! Общай же это мнѣ, Жоржъ, святымъ именемъ Бога!

— Общаю и клянусь, что исполню твое желаніе. Но, что за таинственныя слова? Пойдемъ со мною. Я не покину тебя ни на минуту, пока ты не успокоишься и не прідешь въ себя.

— Но ты обещалъ, ты поклялся мнѣ, что отдашь кольцо, если что нибудь случится со мною, и скажешь ей, что я умеръ, благословляя ея память?

— Обещалъ и поклялся; но пойдѣмъ же отсюда; покинемъ, какъ можно скорѣе, это проклятое мѣсто.

— Сію минуту, сказалъ онъ, и, быстро обернувшись, бросился въ толпу, которая снова сжалась передъ фарао.

Почти въ то же мгновеніе раздался пистолетный выстрѣлъ, за которымъ послѣдовалъ всеобщій крикъ ужаса; я, съ мрачнымъ предчувствіемъ, продрался сквозь толпу въ ту минуту, какъ бѣднаго Генри Гордона снимали со стола, на который онъ упалъ, прострѣливъ себѣ голову. Онъ погибъ жертвою игры, жертвою своихъ неумѣренныхъ желаній.

Я сдержалъ слово, заключилъ мой пріятель, отдалъ Агнесѣ Вальтамъ кольцо, и другое въ день ея свадьбы, потому что невѣста Генри Гордона теперь жена того, который радовался его счастію, негодовалъ на его ужасную страсть къ игрѣ, и горько оплакивалъ преждевременную смерть его.

(Рис. И. О. Шестакова.)

Новый и верный способ прогуливаться безъ опасенія получить насморкъ, въ особенности по улицамъ, гдѣ устроены водостоки.

(Рис. А. О. Виноградова.)

— Странно: иные господа сокращаются, что Опекунскій Совѣтъ выдаетъ вместо четырехъ три процента. Вотъ меня такъ это нисколько не тревожитъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«Развлеченія».

Перепечатываніе извѣстій, даже и неправдоподобныхъ, изъ городской хроники «Развлеченія» будетъ преслѣдуемо ся авторомъ до послѣдняго дня его жизни; если жь умретъ перепечатавшій, — отъ страшнаго суда не спастись его послѣдникамъ — ни шириною моря, ни неприступностію высокой горы.

Кого люблю, того журю.

Небольшое присловіе.—Объ обычаяхъ майоровъ.—Торіи и виги.—Что такое будетъ наша городская хроника:—Проказы огня въ Москвѣ и въ исторіи.—Чего бы всѣ желали.—Эрмитажъ и Эльдorado.—Бѣлая и алая розы, или Морель и Педотти.—Новыя компаніи.—Ни слова на первый разъ о преемникахъ грибоѣдовскихъ героевъ.—Гумбольдтъ въ своемъ кабинетѣ.

Московскіе летописцы, не тѣ, которыхъ призналъ бы летописцами, напримѣръ, г. Погодинъ, а тѣ, которые возво-

дятся въ это почетное званіе петербургскими изданіями (извѣстно, что для московскихъ изданій Москва не существуетъ), и такъ, московскіе летописцы, принимаясь за свое дѣло, имѣютъ обычай пачинать его съ извиненія передъ почтеннѣйшей публикой, что... они пишутъ изъ Москвы о Москвѣ. «Вы, въ особенности петербургцы, извините меня, говоритъ летописецъ—у васъ тамъ есть и Дюссо, и Излеръ, и Новый Поэтъ, и газовое освѣщеніе, и вообще галантерейность ни по чемъ; а мы, вѣдь, живемъ здѣсь въ деревнѣ, ѣдимъ крупичатые калачи и... только Такъ ужь не взъщите на мнѣ за мои рассказы, ежели будутъ скучны. О чемъ рассказывать, прѣхавши изъ деревни?»

Это трогательное смиреніе, которое, по его давности, я готовъ назвать *обычаемъ майоровъ* (такъ намеренъ одинъ журнальный лингвистъ перевелъ латинское *usus majorum*), не знаю почему сегодня напомнило мнѣ старинный отвѣтъ одного Француза Людовику XV-му.

— Скажите, пожалуйста, спрашивалъ король—я не возьму хорошенько въ толкъ, какая разница между вигомъ и торіемъ.

— Разница въ названіи: торій—вигъ, когда ему нужно мѣсто, вигъ—торій, когда онъ его получилъ.

Московскіе виги чрезвычайно легко становятся торіями относительно Москвы, лишь только переберутся въ тотъ городъ, гдѣ, какъ говаривалъ Осипъ, галантерейность нипочемъ, — становятся очень скоро торіями даже и тѣ, которыхъ, какъ сказалъ я, петербургскіе листки возводятъ въ московскіе летописцы. Надо же имъ отдать справедливость.

Я не торій и не вигъ, отъ всего сердца люблю Москву, люблю ее отъ рожденія, стало быть вотъ уже... нѣтъ, ни за что не скажу, сколько мнѣ лѣтъ.... Я любилъ Москву еще и тогда, когда она каталась въ трехъ-этажныхъ каретахъ, называла грума казачкомъ, обѣдала въ три часа, курила Жуковъ, гуляла на Прѣспенскихъ прудахъ и считала синюю ассигнацію деньгами. Какъ видите, я люблю ее достаточно-давно. Я люблю ее, не смотря даже на многіе предразсудки, которыхъ, со времени Грибоедова, не хотѣли истребить пожары, но изъ которыхъ лишь, какъ можетъ быть увидимъ ниже, истреблены послѣдними пожарами.

И я душевно радъ, что издателю «Развлеченія» пришла мысль разрѣшить мнѣ иногда рассказывать о Москвѣ иногороднымъ и городскимъ читателямъ «Развлеченія».

Только, да не подумаютъ они, чтобы городская хроника «Развлеченія» обязывалась быть единственно хроникой городскихъ развлеченій. Нѣтъ, она будетъ рассказывать обо всемъ, даже и о томъ иногда, чего не случилось въ Москвѣ. По временамъ, читатель, вмѣсто того, чтобы повествовать вамъ, какъ фигурантка одиннадцать разъ переодѣвалась въ новомъ водевилѣ, или какъ печально была иллюминирована такая-то улица въ торжественный, по календарю, день,—мы ужъ лучше будемъ съ вами грезить....

Но не черезъ чуръ ли длинно мое присловіе?

* * *

На первый разъ, однакожъ, оглянемся нѣсколько назадъ на лѣто сего тысяча восемьсотъ пятьдесятъ девятого года.

Огню, этой первой причинѣ жизни всей нашей планеты, премудро замкнутому въ ея сердцевины, — вздумалось въ нынѣшнемъ году дать себя сильно почувствовать Москвѣ. Всѣ жаловались на жаръ, отъ жара и бездождія многое пострадало, а плоды урожаевъ повсемѣстно оказываются горькими, то есть скудными. Эта перспектива печальна для всѣхъ, и я на нынѣшній случай могу утѣшить читателя однимъ лишь: не такія катастрофы переживало общество, не отъ такихъ бѣдствій оправлялось человѣчество. Вѣръ благости Промысла, да самъ не дремли, а трудись—и время развяжетъ узлы, которое само же и связываетъ. Вотъ кстати интересный перечень жаровъ и нѣкоторыхъ результатовъ ихъ, начиная съ весьма отдаленной эпохи, публикуемый однимъ иностраннымъ журналомъ:

Въ 879 г. близъ Вормса полевые работники падали мертвые отъ жара; въ 1000 г. рѣки и ключи во Франціи пересохли, дохлая рыба загнила и причинила чуму; въ 1132 г. земля трескалась рѣки и ключи пропадали, Рейнъ въ Эльзасѣ пересохъ; въ 1159 г. все высохло въ Италиі; въ 1171 г.

были ужасные жары въ Германіи; въ 1260 г., въ сраженіи при Бэлъ, войны падали мертвые отъ палящихъ лучей солнца; въ 1303 и 1304 годахъ пересохли Дуара, Рейнъ, Сена и Дунай; въ 1393 и 1474 годахъ въ Венгріи земля казалась выжженною, Дунай пересохъ; въ 1615 и 1616 годахъ была засуха по всей Европѣ; въ 1652 г. была величайшая, какую только запомнятъ, засуха въ Шотландіи; три первые года XVIII столѣтія извѣстны повсемѣстными жарамі; въ 1718 г. въ Парижѣ, въ видѣ гигиѣической мѣры, были закрыты театры; пять мѣсяцевъ не упало ни капли дождя, фруктовыя деревья цвели нѣсколько разъ;—въ 1802 г. былъ въ Парижѣ величайшій жаръ со времени изобрѣтенія термометра; сильнѣйшіе жары были въ Парижѣ 27, 28 и 29 іюля 1830 г.; таково же было тамъ же и лѣто 1846 года. Сверхъ того, въ разныхъ странахъ Европы особенно жаркое лѣто, нѣрѣдко причинявшее скоростижную смерть людей и животныхъ, было въ годахъ: 638, 993, 1022, 1276, 1277, 1293, 1294, 1338, 1539, 1540, 1541, 1556, 1693, 1723, 1743, 1744, 1745, 1746, 1748, 1754, 1760, 1767, 1778, 1779, 1788, 1811, 1818, 1835.

Въ нынѣшнемъ году на жары тоже слышались жалобы изъ разныхъ концовъ Европы.

Москву, сверхъ жаровъ, огонь посѣтилъ въ видѣ пожаровъ. Число пожаровъ, бывшихъ въ послѣдніе полтора мѣсяца, видно изъ «Вѣд. Гор. Полиціи».

До какой степеніи пожары произвели всеобщее потрясеніе, лучше всякихъ выраженій могутъ засвидѣтельствовать страховыя отъ огня общества. Не говоря уже о домахъ, движимость принялась страховать многіе изъ такихъ людей, которые прежде едва знали о существованіи учрежденій, коими въ Европѣ давно пользуется каждый. Куда дѣвались въковыя *авось* и *Богъ милостивъ!!!*

Пожары въ то же время были и въ другимъ мѣстахъ Россіи: въ Петербургѣ, Казани, Твери, Перми, горѣло и нѣсколько деревень подъ Москвою. Все вмѣстѣ взятое не могло не встревожить общества. Безпрестанно, и по сей день, случается слышать желаніе, почему бы лицамъ, отъ которыхъ это можетъ зависть, не сказать печатно, какія наиболѣе вѣроятныя причины столь частныхъ пожаровъ предполагать должно. Одно это, мнѣ кажется, прекратило бы безконечныя толки и росказни, которые ходятъ и въ народѣ, и между образованными классами: о мужчинахъ, передѣтыхъ въ женщинъ, о господинѣ, развѣзжающемъ въ коляскѣ, и о господинѣ, развѣзжающемъ верхомъ и раздающемъ какіе-то стклянки, о хожаломъ, проведенномъ въ цѣпяхъ, и т. д. и т. д.

Положимъ, все это сказки, положимъ, что сказка есть поэтической абсурдъ народнаго мнѣнія, но она все-таки есть законное дитя времени, результатъ настроенія общественнаго ума вслѣдствіе опредѣленныхъ обстоятельствъ эпохи,—какъ, на примѣръ, каждое растеніе есть результатъ извѣстныхъ условій почвы, климата, погоды, времени года. Наравнѣ съ растеніемъ, и сказкѣ потребности опредѣленныя почвы и атмосфера. На этой простой истинѣ, по моему мнѣнію, не пуждающейся въ эмпирической опорѣ, и основаны: разнообразіе миеовъ по происхожденію, разницы миеологи-

(Рис. С. А. Любовникова).

— Имѣемъ ли какое нибудь отношеніе къ здѣшней полиціи статья ваша, напечатанная въ Искрѣ?

— Никакого, Ваше Превосходительство: это мнѣ рассказывалъ на станціи пріѣзжій купецъ, и какъ я ни старался узнать отъ него, гдѣ это случилось, онъ никакъ не хотѣлъ сказать: должно быть крѣпко запуганъ.

— Ахъ какія хорошенькія малютки! это вѣрно двойни?

— Точно такъ, сударыня.

— Чьи они?

— Одинъ учителя Азбукипа, а другой—его брата живописца.

ческихъ представленій, различія мнѳологическихъ системъ. Исторія Вулкана не сложилась же въ странѣ, не видившей огнедышащаго жерла, — отъ скандинавскаго мѳа вѣетъ вѣсѣмъ холодомъ суроваго пояса,—Перунъ хоть и сродни Зевесу, по все-таки Славянинъ, не хуже того, какъ господинъ въ европейскомъ фракѣ, распекающій подчиненнаго и дающій зуботычину извоцику, все-таки нашъ безцѣнный соотечественникъ съ каплею крови тѣхъ витязей, которые ходили съ Олегомъ на Царьградъ.

Но пожары, какъ и жары, кажется, нѣсколько утомились надоедать намъ. Пора же и хроникъ оставить ихъ въ покоѣ.

По календарю еще не копецъ лѣту. Однакожь, оно уже состарилось, зелень сильно сморщилась, въ прическѣ деревьевъ мелькается осенняя просьда, и мухи, торопясь жить, передъ смертью больно вусаются. Окрестности города, предоставленныя заботѣ одной природы, теряютъ мало-по-малу свое очарованіе, и, естественно, сиротѣютъ, ежели не обывателями, по крайней мѣрѣ залетными гостями. Тѣмъ большее движеніе замѣтно въ нашихъ городскихъ увеселительныхъ садахъ, Эрмитажѣ и Эльдорадо. Опекуны ихъ, давнѣе поставщики московскаго удовольствія, Гг. Морель и Пе-

дотти, по обыкновенію идутъ наперекоръ природѣ: чѣмъ болѣе она отказывается удовлетворять гуляющаго, тѣмъ ревностнѣе хлопчутъ Морель и Педотти. Афиши длиннѣютъ съ вечерами, затѣй подъ исходъ лѣта прибавляется. И надо отдать справедливость обоимъ садамъ: Петербургъ, который вѣчно ставится въ примѣръ Москвѣ, до сихъ поръ не имѣлъ такихъ затѣйливыхъ и опрятныхъ увеселительныхъ мѣстъ. Иной пожалуй замѣтитъ, что затѣй и тутъ и тамъ даже слишкомъ много, что ни къ чему Тирольцы, которые давно уже только сами себя слушаютъ,—что ни къ чему Италіянцы, которые поютъ какъ фигуранты и, можетъ быть, хорошо танцуютъ, но есть вѣдь и такіе любители Эрмитажа и Эльдорадо, которые не часто бы являлись туда, еслибы имъ дали только огромный садъ, съ цвѣтами, зеленью, тѣнью, большимъ прудомъ, оркестромъ хорошей музыки и чистымъ воздухомъ. Иныхъ такими пустяками не заманишь. Ну и трещи фейверкъ до оглушенія, лети на воздухъ шаръ, да мало имъ просто: лети съ жеребенкомъ въ должности лошади, или съ дѣвцами, то-есть мужчинами, непристойно-гадко одѣтыми въ женское платье! И, разумѣется, не винить надо Гг. Мореля, Педотти *et consortes*, а изумляться, какъ хватаетъ ихъ на изобрѣтеніе всѣхъ этихъ приманокъ, которыя, казалось бы, и всѣ вмѣстѣ, не долж-

ны бы стоить отличнаго сада, хорошаго оркестра и свѣжаго воздуха.

Однимъ напрасно пренебрегаютъ оба почтенные антрепренёра: качествомъ потребляемаго у нихъ и прислуги. При цѣнахъ, которыя платятся у насъ безропотно, посылитель по истинѣ вправѣ требовать и превосходной провизіи, и хорошаго вина, и чтобы его не обсчитывали.

Но вотъ и забавное для внимательнаго наблюдателя *Эрмитажа* и *Эльдорадо*. Содержатели, ужъ Богъ знаетъ съ какою цѣлю, доводятъ совмѣстничество между собою чуть-чуть не до открытой войпы. Гг. Морель и Педотти—это Капулетти и Монтеки, это алая и бѣлая розы. Гдѣ дѣло идетъ объ увеселеніяхъ, само собою разумется, не можетъ быть рвчи о кинжалахъ, ядахъ и кровопролитіяхъ. Наши увеселители, благовоспитанные люди, въ пальто и круглыхъ шляпахъ безъ перьевъ, идутъ другъ на друга иначе. Чуть одинъ назначить «увеселительный вечеръ», другой назначить «большой увеселительный праздникъ»; у одного билеты на входъ съ розыгрышемъ лотереи,—у другаго тотчасъ выигрышей вдвое, и т. д.; въ особенности боюсь за г. Мореля. Когда-нибудь, изъ желанія уничтожить своего соперника, онъ совершенно забудетъ о себѣ: не только раздастъ билеты на входъ безденежно, но и еще пожалуй предложитъ входящему ужинъ и бутылку шампанскаго. Но тогда бѣда будетъ *Эрмитажу*: и стулья, и буфетъ, и стаканъ воды—все придется брать приступомъ...

О продажѣ акцій двухъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, саратовской и троицкой, достаточно упомянуть. Если еще эти два предпріятія не пойдутъ,—мы просто Вандамы. Въ особенности достойна вниманія, для акціонера, троицкая дорога: акція ваша по жеребью уже вынута и уплачена вамъ, и вы втеченіе 80 лѣтъ, все-таки получаете на нее 4%. Какая компанія когда-нибудь предлагала подобныя выгоды?

На дняхъ же открываетъ свои дѣйствія компанія устроителей общественныхъ прачешныхъ. Тоже предпріятіе, заслуживающее всякаго уваженія и которое авось будетъ поощрено участіемъ Москвы.

А криолины? А князь Тугоуховскій и княгиня Марья Алексѣевна, то есть повѣйшіе экземпляры Грибовдовскихъ героев—что они поддѣлываютъ? что они говорятъ?

Дайте срокъ, дойдетъ очередь и до нихъ.

«Если хочешь быть писателемъ, читай исторію рода человѣческаго», сказалъ безсмертный творецъ «Исторіи государства Россійскаго».

«Если хочешь компаніи, ступай въ лавочку», сказалъ не менѣе безсмертный, въ своемъ родѣ, камердинеръ Ивана Александровича Хлестакова.

Смертный, если хочешь получить ощущеніе, которое бы тебя успокоило отъ трескотни житейской, отъ фейерверковъ *Эрмитажа* и *Эльдорадо*, и наконецъ, отъ моей хроники, пройди по Кузнецкому мосту мимо эстампныхъ выставокъ. У Беккерса, Даціаро или Осберга, право забылъ, увидишь картинку: *Гумбольдтъ въ своемъ кабинетѣ*.

Нѣсколько минутъ стоялъ я передъ этой картинкой, и что-то торжественно спокойное пролилось по мнѣ. Мнѣ показалось даже, что я отошелъ отъ нея лучшимъ, нежели подошелъ.

Не я.

МЕЛОЧИ.

Одинъ американскій акробатъ объявилъ въ газетахъ, что онъ пляшетъ на тонкомъ канатѣ и прыгаетъ при этомъ такъ высоко, что ему иногда становится скучно на воздухѣ.

Юный волокита засталъ однажды у своей любезной довольно пожилаго мужчину; желая поднять его на смѣхъ, онъ спросилъ его: «а который вамъ годъ, милостивый государь?» — Не могу вамъ сказать навѣрное, отвѣчалъ тотъ,—я знаю только одно, что двадцатилѣтній оселъ гораздо старше пятидесятилѣтняго чловѣка.

Въ обществѣ рассказывали за диво, что недавно умеръ старикъ, на сто-десятомъ году отъ рожденія.—«Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, замѣтила одна старушка,—моему отцу, еслибы онъ былъ живъ, было бы теперь ровнехонько сто двадцать лѣтъ.»

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ Г-НУ Н. Н.

На дняхъ мы получили письмо отъ г. Н. Н., заключающее въ себѣ возраженіе на замѣтку «Промыхъ фельетониста», помѣщенную въ послѣднемъ номерѣ нашего журнала. Честь имѣемъ увѣдомить г. Н. Н., что мы не можемъ напечатать его письма, не потому, что въ немъ есть нѣсколько не совсѣмъ лестныхъ выраженій о нашемъ журналѣ: это бы еще ничего,—вѣдь насильно милъ не будешь; но потому, что оно слишкомъ длинно, и мы поставили себѣ за правило не входить ни въ какую полемику. Притомъ же г. Н. Н. самъ печатно уже оговорился передъ публикой въ своей ошибкѣ: потому о ней нечего и говорить. Если же г. Н. Н. считаетъ себя оскорбленнымъ, что мы осмѣлились усомниться (хотя впрочемъ условно) въ его эстетическомъ вкусѣ, то спѣшимъ увѣрить его, что послѣ его оговорки, напечатанной въ С. П. Вѣд., и это сомнѣніе разсыялось само собою.

ПОПРАВКА.

Въ послѣднемъ № «Развлеченія», въ стихотвореніи г. Баженова «Педагогу» въ седьмомъ куплетѣ, по ошибкѣ напечатано: «таблицу умноженія» вмѣсто: «таблицу умноженіи».

Редакторъ О. Миллеръ.